

A. A. Романчук

Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной Керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (Ha A — B 1)

A. A. Romanchuk.

Axe-Kelts, Sickles and Incised Pottery Community in Carpathian-Dniester Region during Ha A — Ha B1 Period.

The article deals with the problem of cultural attribution of some types of metalwork (axes and sickles) in Carpathian-Dniester region during Ha A — Ha B time. These axes (so called “axes with trapezoidal or arcuate faces, ornamented with vertical parallel lines”) and sickles are derivatives of Vyrbica metal-production centre at Lower Danube. According to the recently appeared hypothesis, these axes were brought into Carpathian-Dniester region by people of Incised Pottery community. The author demonstrates that this hypothesis does not correspond to the facts. The whole picture of cultural relations between Lower Danube — Carpathian-Dniester and North Pontic regions during Ha A-Ha B1 does not suggest that the Incised Pottery community of the Carpathian-Dniester and Lower Danube region was the successor of Vyrbica metalwork tradition. Moreover, the Late Bronze Age tradition of metal production in Dobruja and Muntenia came abruptly to the end simultaneously with the end of Coslogeni culture and with penetration of Pre-Babadag or Babadag I there. And the author proves that this metalwork tradition was brought into Carpathian-Dniester region from the Iron Gates region by people of Chisinau-Corlateni culture, which belonged to the so called “Cannelure Hallstatt” community.

A. A. Romanchuk.

Celturi, seceri și Culturi cu Ceramica Incizată ale hallstattului timpuriu în regiunea Carpato-Nistreană (Ha A-Ha B1).

Articolul abordează problema atribuției culturale a așa-numitelor celturi cu o tortiță și fațete în formă arcoidală și trapezoidală, ornamentate cu nerviuri verticale, care au fost răspândite în regiunea Carpato-Nistreană în epoca hallstattului timpuriu. În ultimii ani câțiva cercetători au înaintat o ipoteză, conform căreia celturi de acest tip au fost aduse în regiunea Carpato-Nistreană de către purtătorii culturii cu ceramica incizată din teritoria Bulgariei de Nord-Vest. Însă, după cum arată analiza situației etnoculturale în comparație cu distribuția spațială a celturilor, acest tip apărut în regiunea Porților de Fier în mediul reprezentanților așa-numitului “hallstatt canelat”. Anume aceștia au adus tradiția de asemenea celturi în regiunea Carpato-Nistreană, unde tradiția respectivă a fost preluată de către purtătorii culturii Chișinău-Corlateni. În ceea ce privește purtătorii culturii cu ceramica incizată, aceștia nici nu au avut tradiții metalurgice ce existau în regiunea Dunării de Jos în epoca bronzului, dar și apariția culturii cu ceramica incizată (Pre-Babadag și Babadag) în regiunea Dunării de Jos coincide cu dispariția tradiției metalurgice precedente.

A. A. Романчук.

Кельты, серпы и культуры Резной и Штампованной Керамики раннего гальштата Карпато-Поднестровья (Ha A — Ha B 1).

В статье рассматривается проблема культурной атрибуции т.н. одношковых кельтов с арковидными и трапециевидными фасками, орнаментированных вертикальными параллельными линиями-нервирами раннего гальштата Карпато-Поднестровья. В последние годы рядом исследователей была предложена гипотеза, согласно которой эта разновидность кельтов была принесена в Карпато-Поднестровье представителями культурной общности резной керамики с территории Северо-Западной Болгарии. Однако, как показывает анализ этнокультурной ситуации и ее сопоставление с пространственным распределением находок этих кельтов, окончательный синтез этой традиции происходил в районе Железных Ворот, в среде представителей т.н. «каннелированного гальштата». Именно они и принесли традицию подобных кельтов в Карпато-Поднестровье, где ее носителями были представители культуры Кишинев-Корлатень. Представители же общности резной керамики не только не унаследовали нижнедунайских традиций металлургии эпохи поздней бронзы, но и само возникновение на нижнем Дунае таких культур резной керамики, как Бабадаг и Пре-Бабадаг, совпадает с исчезновением этих металлургических традиций.

Keywords: cultural processes, axe-kelts, sickles, Incised Pottery cultures, Carpathian-Dniester — Lower Danube region, Ha A-Ha B1.

Cuvinte cheie: procese etnoculturale, celturi, seceri, culturi cu ceramica incizată, regiunea Carpato-Nistrea, Dunărea de Jos, Ha A-Ha B1.

Ключевые слова: этнокультурные процессы, топоры-кельты, серпы, культуры резной керамики, Карпато-Поднепровье, Нижний Дунай, Ha A — Ha B1.

В этой работе я хотел бы рассмотреть категорию изделий, которые ранее не привлекал к анализу проблемы генезиса КРШК (Культур с Резной и Штампованной орнаментацией Керамики) раннего гальштата Карпато-Поднепровья — а именно, металлические изделия раннего гальштата Карпато-Поднепровья и сопредельных территорий, и конкретно — бронзовые кельты и серпы.

Прежде всего, я имею в виду ту разновидность кельтов, которую традиционно определяют как «одноушковые кельты с арковидными и трапециевидными фасками, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами». Поскольку основным признаком при определении этой разновидности кельтов Юго-Восточной Европы служит именно их орнаментация, то ниже я буду обычно именовать эту разновидность как «кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами».

Ранее О.Г. Левицкий высказался (не предлагая аргументации) в пользу того, что кельты с арковидными и трапециевидными фасками, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, в Карпато-Поднепровье соотносятся с культурой Кишинев-Корлатень, относящейся к культурной общности т.н. «каннелированного гальштата» (Levițki 1994: 121—122). Однако в последние годы появился ряд работ, которые пытаются связать распространение этого типа кельтов в Карпато-Дунайском регионе в эпоху раннего гальштата с продвижением носителей КРШК с Нижнего Дуная на север.

Я имею в виду, прежде всего, ряд прекрасных работ В.А. Дергачева и Е. Ушурелу (Дергачев 1997; Дергачев, Бочкарев 2002; Dergačev 2002: 167—169; Ușurelu 2003; Ușurelu 2006). Также аналогичную идею, хотя и мельком, высказала и М.Т. Кашуба (Кашуба 2000: 327).

В.А. Дергачев, рассматривая металлические изделия Карпато-Дунайского региона и Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы — раннего гальштата, в целом обошел вниманием те типы бронзовых кельтов и серпов, которые можно было бы связать с культурами Сахарна-Солончень и Козия. Но отметил, что «сугубо предварительно, по данным ме-

таллических изделий истоки этих культурных групп (Сахарна-Солончень и Козия — А.Р.) обнаруживаются в памятниках центральных районов Северной Болгарии, в носителях Вырбицкого очага металлообработки. Эти истоки выявляются по весьма ограниченной, но достаточно выразительной серии изделий... По ряду признаков они, вне сомнения, восходят к традициям Вырбицкого очага металлообработки, хотя и сочетают в себе ряд специфических элементов, свойственных трансильванским традициям» (Дергачев 1997: 58). В качестве примера он называет одноушковые кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами. Орнаментация этих кельтов восходит, по его мнению, к Вырбицкому очагу, а наличие ушка связывает их с трансильванской традицией.

Заметим в скобках, что на этом основании, а также потому, что эти типы изделий представлены и в Трансильвании, В.А. Дергачев предположил, что движение носителей КРШК шло с Нижнего Дуная не напрямик, вдоль Карпат, а через Юго-Восточную Трансильванию.

Подходя в более поздней работе к вопросу с большей осторожностью, В.А. Дергачев все же снова повторил этот тезис. По его мнению, кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, на территории Болгарии следует атрибутировать «Schtempelverzirten Keramik (nach V. Hänsel)» (Dergačev 2002: 168).

Идеи В.А. Дергачева были развиты и продолжены Е. Ушурелу (Ușurelu 2003; 2006). В своей докторской диссертации (научным руководителем которой являлся В.А. Дергачев), Е. Ушурелу указывает, что на Нижнем Дунае кельты, орнаментированные вертикальными параллельными нервюрами, соотносятся с ареалом Радовану, Сихляну, Тэмэоань, Бабадаг I—II и северо-болгарской группы КРШК (Ușurelu 2006: 21). В начале же Ha B1 они проникают в Карпато-Поднепровье вместе с носителями «культуры Козия-Сахарна» (Ușurelu 2006: 25).

Итак, таковы основные тезисы гипотезы о связи кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, с культурно-исторической общностью КРШК. Эта ги-

№2. 2010

потеза, однако, на мой взгляд, не учитывает ряда фактов, не согласующихся с ней — я постарался изложить их ранее (Романчук 2009; 2009а; Romanchuk 2009). И, по моему мнению, кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднепровье были принесены представителями каннелированного гальштата — культурой Кишинев-Корлатень. Ниже я попытаюсь аргументировать этот тезис еще раз, на новом уровне, дополняя и уточняя сказанное ранее.

Начнем с того, что традиция орнаментации кельтов вертикальными линиями-нервюрами, безусловно, восходит в конечном итоге к Вырбицкому очагу металлообработки. Она была характерна в значительных масштабах для территории Болгарии еще в позднем бронзовом веке (Черных 1978: 189—203). В связи с датировкой клада Овча Могила, где уже присутствуют кельты, орнаментированные вертикальными линиями, предлагается возникновение этой традиции уже в Вг С2 (Krauss 2005: 209—210). И, как показывает картографирование (Dergachev 2002: Taf. 123), именно на территории Болгарии наблюдается максимальная концентрация кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами.

Однако, если один конец этой логической цепочки не вызывает сомнения, то другой, принятый как аксиома, как раз не выдерживает критики. А именно, зададим себе вопрос: кто, какие археологические культуры реально были носителями традиций Вырбицкого очага металлообработки в эпоху раннего гальштата? И принимали ли эти культуры (или одна из них) участие в формировании культур Сахарна-Солончень и Козия?

Что касается первого из этих вопросов, то ответ на него достаточно непросто. Как отмечает I. Czyborra: “Für den nordbulgarischen Raum sah Hänsel keine Möglichkeiten einer Gruppenbildung, weder für die frühe, noch für die klassische Phase der stempelverzierten Keramik, zu sporadisch war der Fundstoff” (Czyborra 2005: 9).

Возможно, именно поэтому в более поздней, совместной с В.С. Бочкаревым работе В.А. Дергачева — фундаментальном труде, посвященном бронзовым серпам Восточной Европы поздней бронзы, по поводу серпов типа Вырбица указывается, что «К сожалению, ничего конкретного нельзя сказать о возможной культурной принадлежности серпов этого варианта» (Дергачев, Бочкарев 2002: 274).

Однако зато В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев смогли путем картографирования очер-

тить достаточно четко ареалы изделий как Вырбицкого очага металлопроизводства, действовавшего и в эпоху раннего гальштата, так и другого нижнедунайского (на их взгляд, более раннего) — Дичевского очага эпохи поздней бронзы (Дергачев 1997: 82—84; Дергачев, Бочкарев 2002: 272—274).

Здесь следует оговорить, что автором самих понятий Вырбицкого и Дичевского очагов металлообработки является Е.Н. Черных (1978: 250), и многие характеристики этих очагов (в том числе — пространственные) были установлены им же. Вместе с тем, В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев как подтвердили ряд выводов Е.Н. Черных, опираясь на гораздо более обширный фонд источников, так и предложили ряд уточнений. В частности, они приходят к весьма важной идее о том, что Дичевский очаг металлообработки закончил свое функционирование раньше Вырбицкого.

Итак, как же размещались в пространстве Вырбицкий и Дичевский очаги металлообработки?

Как отмечают В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев, «серпы варианта Дичево и в количественном отношении, и по плотности местонахождений концентрируются преимущественно в низовьях правого и левого берега Дуная, где они отчетливо соотносятся с ареалом поздних фаз культуры Тей и ареалом культуры Кослоджень» (Дергачев, Бочкарев 2002: 273). Причем происхождение и производство серпов типа Дичево, по их мнению, следует связывать с ареалом и носителями «главным образом, культуры Кослоджень». То есть, Мунтения и Добруджа — это и есть ареал очага Дичево.

Что же касается серпов типа Вырбица, распространенных в На А1, то по сравнению с серпами типа Дичево «их ареал явно смещен к западу» (Дергачев, Бочкарев 2002: 274). И местом их производства авторы полагают треугольник Вырбица-Градешница-Русе в Северной Болгарии. По их мнению, «подобное заключение полностью согласуется и с общей тенденцией пространственной эволюции Дичевского очага металлопроизводства, который на этапе перехода к раннему гальштату смещается несколько на запад — из Нижнего Подунавья и Добруджи — в центральные районы северной части современной Болгарии». Действительно, этот вывод полностью подтверждается и привлечением к анализу кельтов типа Вырбица (Дергачев 1997: 82—83; Dergachev 2002: 167—169, Taf. 123).

Здесь опять-таки стоит отметить, что к аналогичным выводам о пространственном соотношении Вырбицкого и Дичевского очагов металлообработки пришел в свое время

Е. Н. Черных (Черных 1978: 250—251, рис. 107). Помимо уточнения географических рамок Вырбицкого очага, существенное значение здесь имеет и уточнение его временных рамок — точнее, его верхней хронологической границы. Как отмечал в свое время Е. Н. Черных, «...дичевский и вырбицкий очаги прекратили свою деятельность не позднее XII века до н.э.» (Черных 1978: 259); «позднее На А1 ... эти очаги уже не существуют». И далее: «примерно с XI века до н.э. на территории Северо-Восточных Балкан великолепно налаженное производство многочисленных кельтов, серпов, наконечников копий и других категорий бронзовых изделий угасает едва ли не полностью. Теперь уже не может быть и речи о выделении в исследуемом районе особых очагов металлургии и металлообработки со своими характерными формами и сплавами. Материалы последующего времени настолько ничтожны, что мы вправе поставить вопрос о практически полном прекращении здесь металлообрабатывающего производства» (Черных 1978: 260).

За истекшее время не появились новые находки, которые позволили бы пересмотреть данный вывод Е. Н. Черныха. Как отмечает Е. Ушурелу, любезно предоставивший после знакомства с рукописью данной статьи свои, еще неопубликованные, наработки в этой области, «...не отрицая возможного развития и в На А2, следует констатировать, что к его концу эпицентр производства кельтов с арковидными и трапециевидными фасками, украшенными вертикальными нервюрами, смещается на северо-восток Сербии и юго-запад Румынии».

То есть, уже те раннегалльские группы с территории Северо-Западной Болгарии, которые возникают не раньше На А2, являются достаточно сомнительными претендентами на роль носителей традиций Вырбицкого очага металлообработки. Тем более — группы, относящиеся к На В1.

Замечу в скобках, что это, собственно говоря, уже имеет существенное значение. На мой взгляд, ранний горизонт культуры Сахарна-Солончень (горизонт Солончень-Хлиная-Климауц де Жос, как я его обозначил), возникает уже в На А1 (Романчук 2003: 117). Однако, с точки зрения большинства исследователей, возникновение культур Сахарна-Солончень и Козия относится в лучшем случае к концу На В1 или его второй половине.¹

¹ Хотя, следует заметить, что лед в этом отношении уже тронулся. В частности, в одной из последних работ М. Т. Кашуба тоже предлагает удревнение Сахарна-

Соответственно, в логической цепочке их рассуждений в данном случае существует неразрешимое противоречие — либо Сахарна-Солончень и Козия возникают раньше, чем они полагают, и намного, либо же никакие североболгарские группы *Schtempelverzirten Keramik* не смогли бы передать им традиции Вырбицкого очага металлообработки, поскольку сами эти традиции на территории Северо-Западной Болгарии к этому времени уже угасли. Впрочем, чуть ниже мы остановимся на этом подробнее.

Пока же обозначим те археологические культуры, которые соответствуют обозначенным временным и географическим рамкам. Прежде всего, для позднего бронзового века это, как отмечает и В. А. Дергачев, культура Зимнича-Пловдив (Дергачев 1997: 50). Так ее обычно именуют румынские исследователи, западные же предпочитают другое название — группа Церковна (*Cerkovna-group*) (Krauss 2006: 18).

Правда, заметим в скобках, что ряд исследователей вообще сомневается в справедливости выделения данной культуры — как бы ее ни именовать. По их мнению, в качестве основания для выделения культуры Церковна (Зимнича-Пловдив) использовались керамические формы, которые обычны для всей территории Болгарии в эту эпоху (Стоянов, Ников 2003: 34). Ниже мы еще вспомним об этом очень интересном моменте.

Впрочем, существует еще больше вопросов по поводу культурной ситуации в Северо-Западной Болгарии после завершения существования культуры Зимнича-Пловдив-Церковна — что бы под этим лейблом не скрывалось. Как следует из недавно опубликованных работ, Северо-Западная Болгария все еще остается для этой эпохи достаточно «темным пятном» (Czyborra 2005: 278, map 134; 279, 281). Источники все еще достаточно скудны.

Солончень, правда, лишь до конца На А2 (Kašuba 2009). Могу это только приветствовать, хотя не могу не отметить и то, что подобные половинчатые решения вряд ли помогут удержать в целостности старую схему. Например, признав удревнение Сахарна-Солончень, М. Т. Кашубе придется признать и, как я предлагаю, ее большую древность в сравнении с культурой Козия. Поскольку удредить культуру Козия не позволяет такой достаточно твердо установленный факт, как существование на этой самой территории в На В1 еще культуры Кишинев-Корлатень. Соответственно, этот факт не позволяет ни рассматривать Козия и Сахарна-Солончень как единую культуру, как предлагает М. Т. Кашуба, ни считать Козия предком Сахарна-Солончень, как предлагал С. Моринц. Зато вполне это коррелирует с предложенной мной трактовкой Козия как культуры, происходящей из Сахарна-Солончень.

№2. 2010

Тем не менее, определенные шаги в этом отношении уже сделаны. В результате было предложено выделение культуры Зимнича-Новград (Gumă 1995: 135, pl. XVIII). Именно Зимнича-Новград, очевидно, и занимала основную часть территории Северо-Западной Болгарии в период На А-На В1.

Кроме того, помимо Зимнича-Новград, здесь следует упомянуть и культурную группу Хинова-Мала Врбица. Она занимала зону Железных Ворот, распространяясь и на часть территории Северо-Западной Болгарии (Gumă 1995: 135, pl. XVIII). К тому же, кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, распространяются и в ареале группы Хинова-Мала Врбица.

В меньшей степени заслуживает внимания в данном контексте культурная группа Сборяново (Czyborra 2005: 11, 173). Во-первых, она относится уже к классической фазе КРШК Болгарии (Czyborra 2005: 123, Abb. 69), то есть датируется, соответственно, начиная, в лучшем случае, с X в. до Р. X. Во-вторых, занимала она район современного Разграда (то есть, это уже скорее Северо-Восточная Болгария). Но, заметим, группа Сборяново непосредственно граничила с ареалом рассматриваемых кельтов на территории Болгарии. И, кроме того, именно Сборяново была упомянута в связи с проблемой происхождения погребального обряда культуры Сахарна-Солончень (Кашуба 2000: 286—287). Действительно, погребальный обряд Сборяново, равно как и Зимнича-Новград — ингумация.

К тому же, как обратил мое внимание Н. Борофка, в орнаментации керамики Сборяново используются т.н. «букели» — большие, полые изнутри выступы-рога. Эта черта, являясь влиянием со стороны культуры Гава (в широком смысле слова), является архаичной и характерна для ранней фазы Гава (в частности, группы Грэнчешть) и даже предгавских комплексов. То есть, возможно, что Сборяново все же возникает раньше, чем это традиционно полагают — опираясь, прежде всего, на развитый характер штампованной орнаментации керамики этой группы. Поэтому, на всякий случай, рассмотрим здесь и Сборяново.

Итак, для того, чтобы решить вопрос о появлении в Карпато-Поднепровье кельтов, украшенных вертикальными линиями-нервюрами, мы должны выяснить: возможно ли, чтобы вышеназванные культуры вместе, или одна из них, могли стать предками культур Сахарна-Солончень и Козия?

Что касается группы Хинова-Мала Врбица, то здесь вопрос прост — она относится

к культурам «каннелированного гальштата». По своим характеристикам она резко отличается от любой культуры резной и штампованной керамики.

Культура же Зимнича-Новград полагается «радикально отличным образованием в сравнении с прочими культурными группами» (т.е. «группами каннелированного гальштата») (Gumă 1995: 109), прежде всего, благодаря своему погребальному обряду. Тем не менее, для Зимнича-Новград базовый тип орнаментации керамики — это каннелюры в виде аркад и зигзагов. А базовый керамический тип — это черпаки усечено-конической и «полусферической» формы (Alexandrescu 1978: 117—119; Gumă 1995: 131, pl. XIII). По словам А. Александреску, «каннелюры являются постоянным видом орнаментации» для черпаков Зимнича-Новград (Alexandrescu 1978: 117). Согласно же М. Гумэ, черпаки Зимнича-Новград аналогичны черпакам из Vajuga — памятника, который относится ко второй стадии развития группы Хинова-Мала Врбица (Gumă 1995: 110). Поэтому представляется, что Зимнича-Новград, при всем ее своеобразии — это тоже культура каннелированного гальштата. Сама А. Александреску сопоставляла керамику Зимнича-Новград, прежде всего, с такими культурами каннелированного гальштата, как Выртоп, Мери, Сусани (Alexandrescu 1978: 119).

Между тем, напомним, в Сахарна-Солончень каннелюры практически отсутствуют, а в Козия — очень редки. Уже поэтому, не говоря о прочих характерных особенностях керамического ансамбля Зимнича-Новград (прежде всего черпаках типа Хинова-Мала Врбица), невозможно предположить участие Зимнича-Новград в генезисе Сахарна-Солончень, равно как и Козия.

Что же касается Сборяново, то это еще очевиднее. Хотя Сборяново традиционно определяется как часть культурной общности КРШК, каннелюры являются одним из основных, если не доминирующим типом орнаментации керамики Сборяново (Гоцев, Шалганова 2004: 60—61; Czyborra 2005: 173). Помимо того, основным керамическим типом Сборяново является т.н. «кантарос» — двуручный сосуд (Czyborra 2005: 99—101). Равно как, кстати, и Зимнича-Пловдив (Alexandrescu 1973: 77—78, 81). Тип «кантарос» не имеет аналогий ни в Сахарна-Солончень, ни в Козия.

В этой ситуации нам остается попытаться проверить возможность того, что традиция кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, попадает в Карпато-Поднепровье в результа-

те импульса со стороны Зимнича-Пловдив. Разумеется, нет необходимости даже обсуждать вопрос о непосредственном участии Зимнича-Пловдив в формировании Сахарна-Солончень и Козия — слишком велика разница в их материальной культуре, и, в первую очередь, формах и орнаментации керамики. Но, возможно, традиции Вырбицкого очага металлообработки были восприняты ранними группами КРШК? И, затем, уже опосредованно, они были транслированы ими носителям Сахарна-Солончень и Козия?

Действительно, такая идея высказывается. При этом отмечается, что с поселения Радовану культуры Кослоджень на Нижнем Дунае происходит находка литейной формы кельта, орнаментированного вертикальными линиями-нервюрами (Uşurelu 2003: 216). Именно же «аспект Радовану» (или «поздняя фаза Кослоджень», как обозначают его многие исследователи), предлагается традиционно в качестве предка общности КРШК — как на Нижнем Дунае, так и в Карпато-Поднепровье (включая такие группы, как Балта, Холеркань-Ханска, Тэмэоань). Поэтому находка литейной формы в Радовану используется как доказательство того, что ранние группы КРШК унаследовали традиции Вырбицкого очага металлопроизводства (Uşurelu 2003: 217).

Прежде чем идти далее, здесь следует сделать короткое отступление. Ряд других металлических изделий был обнаружен как в Радовану, так равно и в Зимнича-Новград и Тэмэоань (Alexandrescu 1978: 120; Gumă 1995: 110). Это бронзовые ножи с загнутым острием. Но ножи этого типа явно представляют собой традицию, восходящую к Центральной Европе (Laszlo 1986: 76; Dergačev 2002: 178, Taf. 130). То есть, это влияние с третьей стороны как для Радовану и Зимнича-Новград, так и для Тэмэоань. И о родстве этих трех культурных групп эти находки не свидетельствуют.

Итак, возвращаясь к литейной форме с поселения Радовану, замечу — она, очевидно, свидетельствует об определенных связях Радовану и Вырбицкого очага металлопроизводства. Далее, именно влияние со стороны Зимнича-Пловдив на Радовану послужило С. Моринцу основанием для обозначения Радовану в качестве фазы «Кослоджень III» или «поздней Кослоджень» (Dobrinescu 2005: 204; 2008: 10). Действительно, Радовану, как и другое поселение Кослоджень — Кэсчиоареле, демонстрирует заметное влияние со стороны Зимнича-Пловдив (Palincaş 1997: 252). Оно проявляется в значительном присутствии характерных для Зимнича-Пловдив «кантарос»

и ряда других типов керамики на этих поселениях. Более того, Н. Палинкаш полагает, что Кэсчиоареле является поселением Зимнича-Пловдив. И «можно ожидать, что и Радовану следует относить к культуре Зимнича-Пловдив» (Palincaş 1997: 252).

Итак, влияние со стороны Зимнича-Пловдив на Радовану очевидно. Но не менее очевидно, что керамический ансамбль Зимнича-Пловдив (с такими базовыми типами, как «кантарос» и «аскос» (Alexandrescu 1973: 77—78, 81)) существенно отличается от керамического ансамбля ранних групп КРШК (см.: Laszlo 1986; Leviţki 1994a; Ванчугов 1983; 1993). Поэтому, каковы на самом деле взаимоотношения Радовану и ранних групп КРШК?

Последнее десятилетие принесло значительное количество свидетельств того, что Кослоджень существовала вплоть до На А2 и была частично синхронна даже культуре Бабадаг (Irimia 2001; Vernescu 2004; Dobrinescu 2005; 2008). Полагаю, что это требует, по крайней мере, проверки устоявшихся представлений о направлении культурных влияний. Так, мы должны иметь в виду, что керамика Кослоджень, как правило, не орнаментирована. «Балканские элементы» («кантарос» и «аскос») в керамическом ансамбле Кослоджень «отличаются от своих прототипов отсутствием орнаментации» (Dobrinescu 2008: 15). Более того, и «кантарос» Зимнича-Пловдив «в основном не орнаментированы» (Alexandrescu 1973: 78). Последнее верно и для других керамических типов Зимнича-Пловдив.

В тех же случаях, когда керамика Зимнича-Пловдив все же орнаментирована резным орнаментом (Krauss 2006: 20, Abb. 10; 22, Abb. 11), этот орнамент зачастую существенно отличается от достаточно простого, бедного и скромного стиля орнаментации ранних групп КРШК (см.: Ванчугов 1983: 92—93, рис. 3, 4; Ванчугов 1993; Laszlo 1986: 90, fig. 12; Leviţki 1994a: 231—232, pl. 14—17).

Думаю, здесь стоит напомнить и о том, что в Южной Болгарии еще в Alada-Phase появляются и штампованная орнаментация керамики (зубчатый штамп, или т.н. «псевдошнуровой орнамент»), и «клетчатая штриховка» (Czyborra 2005: 109, Abb. 59). В следующем периоде, Frühphase, к этому добавляется еще и S-видный штамп (Czyborra 2005: 113, Abb. 61; 116, Abb. 62). Начало Alada-Phase относится еще к XII в. до Р.Х. (Czyborra 2005: 123, Abb. 69).

Это важно отметить потому, что и «кантарос», и «аскос» в культурах позднего бронзового и раннего железного века на Нижнем Дунае представляют собой результат влияния

с юга (Leahu 1978: 68; Czyborra 2005: 68, Abb. 14). Для ранних же групп КРШК Карпато-Поднестровья (и Балта, и Холеркань-Ханска, и Сихляну) все это не характерно — ни зубчатый штамп, ни «клетчатая штриховка», ни тем более S-видный штамп. Напротив, мотивы резной орнаментации, характерные для ранних групп КРШК (в том числе в виде косо заштрихованных треугольников), появляются в Северном Причерноморье еще на ряде поселений культуры Сабатиновка (Черняков 1985: 73—83; Ванчугов 1993: 29). Хотя и сравнительно редкие, эти свидетельства не становятся от этого менее важными.

Здесь следует также отметить, что в культуре Кослоджень мотивы резной орнаментации, помимо Радовану, отмечены на таких поселениях, как Ульму, Доробанцу, Султана (Morintz 1978: 126—139). И именно для этих поселений Кослоджень отмечается и сильное влияние культуры Сабатиновка (Morintz 1978: 150; Irimia 2001: 184; Dobrinescu 2008: 9). Прочитую: «керамика некоторых поселений Кослоджень в Мунтении (Ульму, Доробанцу, Султана) имеет четкие аналогии в культуре Сабатиновка» (Irimia 2001: 184).

Кстати сказать, мотивы резной орнаментации как в Радовану, так и в Ульму, Доробанцу и Султана (на всех этих поселениях они тоже очень редки и явно представляют собой периферийный элемент) лишь частично совпадают с мотивами резной орнаментации, характерными для ранних групп КРШК и представленными также на керамике некоторых поселений Сабатиновки.²

Помимо резной орнаментации, следует указать и на черпаки с возвышающейся ручкой. Они редки в культуре Кослоджень и полагаются спецификой т.н. фазы «Сабатиновка-Кослоджень» (т.е. тех же Ульму, Доробанцу и Султана) и результатом влияния из Северного Причерноморья (Dobrinescu 2008: 10). При этом К. Добринеску объясняет присутствие таких черпаков на ряде поздних поселений Кослоджень тем, что имела место своего рода «консервация» традиций фазы «Сабатиновка-Кослоджень» на периферии ареала культуры Кослоджень.

Замечу, что и первооткрыватели культуры Кослоджень считали черпаки с возвышаю-

щейся ручкой и выступом на перегибе ручки очень редкими в этой культуре. И аналогии им С. Моринц и Н. Анджелеску видели именно в культуре Сабатиновка (Morintz, Angelescu 1970: 407).

Действительно, И.Т. Черняков привел целый ряд памятников Сабатиновки, где представлены черпаки с выступами на перегибе ручки (Черняков 1985: 69—83). В белозерской же культуре «по сравнению с сабатиновским временем количество черпаков резко сократилось» (Ванчугов 1993: 36). И В.П. Ванчугов считал черпаки более характерными для группы Балта, чем для белозерской культуры (Ванчугов 1990: 74; 1993: 36).

Чрезвычайно интересно здесь обратить внимание на ряд работ Я. Лихардуса с коллегами, в которых обрисовывается очень значительное влияние со стороны Северного Причерноморья, а именно, культурного блока Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень, на памятники поздней бронзы Юго-Восточной Болгарии. При этом Я. Лихардус и его коллеги полагают, что имела место даже миграция носителей Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень в северо-восточную часть Эгеиды (Lichardus u.a. 1999: 110). Впрочем, здесь опять-таки лучше процитировать. Рассматривая эпоху поздней бронзы Юго-Восточной Болгарии, они пишут: «... выделяются две линии развития этой территории. Первая связана с фазой Асеновец с характерными сосудами, украшенными прочерченным и накольчатым орнаментом, а также типичными ручками “Wishbone”. Вторая линия связана с фазой Пловдив-Церковна, в которой прочерченный орнамент сочетается с пластически орнаментированными сосудами и формами, характерными для комплекса Сабатиновка-Кослоджень-Ноуа. Первая, более ранняя фаза, по времени соответствует существованию Кастанас IV, Трое VI — поздней и Трое VIIa, вторая же, в свою очередь, соответствует завершающей стадии Кастанас IV, Кастанас V и Трое VIIb» (Lichardus u.a. 2003: 184). Следует отметить еще и то, что аналогии северопричерноморским формам керамики Пловдив-Церковна авторы видят именно в «младшей», поздней фазе Сабатиновка-Ноуа-Кослоджень (Lichardus u.a. 2003: 150).

Таким образом, мне представляется, что те элементы керамического ансамбля Радовану, которые используются как свидетельство участия данного культурного объединения в генезисе КРШК, при современном состоянии вещей уместнее объяснять как результат влияния со стороны КРШК на Радовану. Или же, это может быть опять-таки влияние с третьей

² Небезынтересно, на мой взгляд, и то, что написал в свое время С. Моринц, характеризуя резной орнамент поселения Ульму. Указывая на нехарактерность такого орнамента для Кослоджень, он пишет: «относительно орнаментации и особенно заштрихованных треугольников, аналогии им мы находим в культуре Костиша» (Morintz 1978: 135). Итак, опять Костиша (см.: Романчук 2003; 2009).

стороны (как это уже было отмечено выше для бронзовых ножей).

Уместно в этой связи указать, что ряд керамических типов группы Балта, которые ранее считались свидетельством влияния с Нижнего Дуная, на деле появляются в группе Балта в результате воздействия со Среднего Дуная, из культур «каннелированного гальштага» (Leviťki 2000: 182). Это влияние со Среднего Дуная на культуры Северного Причерноморья началось еще в позднесабатиновское время и ряд «гальштатских типов» культуры Белозерка был унаследован ею из Сабатиновки и поздней Ноуа (Leviťki 2000: 183—188). Равно как еще к сабаатиновскому времени восходит и традиция домостроительства населения группы Балта (Vančugov 1996: 290; Черниенко 1993: 40).

Возвращаясь к металлическим изделиям, мы должны вспомнить и очень важный вывод Е. Н. Черныха, цитированный выше — о тотальном прекращении традиций металлообработки на Северо-Востоке Балкан с началом На А2 (Черных 1978: 260).

Еще четче это звучит у В. А. Дергачева: «... что принципиально важно, с “исчезновением” культуры Кослоджень и распространением на ее месте культуры Пре-Бабадаг или Бабадаг I, в Низовьях Дуная полностью утрачиваются выработанные здесь на протяжении позднего периода бронзы местные традиции металлопроизводства» (Дергачев 1997: 50). Заметим!

Из этого ясно следует, что носители Пре-Бабадага и вообще ранних групп КРШК на Нижнем Дунае не только не унаследовали традиции Кослоджень в металлообработке, но и, видимо, стали причиной этого разрыва традиции. Считать после этого Радовану или иные «поздние проявления Кослоджень» предком ранних групп КРШК кажется странным.

В целом же, что касается собственно проникновения металлических изделий Вырбицкого и Дичевского очагов в Карпато-Поднепровье и Северное Причерноморье, то, как следует из анализа В. А. Дергачева, для эпохи поздней бронзы, для блока культур Сабатиновка-Кослоджень-Ноуа, характерна «достаточно свободная циркуляция типов изделий» (Дергачев 1997: 37). Так что, например, серпы типа Дичево и кельты типа Ойкак из Дичевского очага металлообработки проникают на восток вплоть до Днепра (Дергачев 1997: 82, 84). И наоборот, северопричерноморские типы кельтов и серпов в период поздней бронзы проникают даже в ареал культуры Зимнича-Пловдив.

С переходом к раннему железному веку картина связей Нижнего Подунавья

и Северного Причерноморья резко меняется. Происходит «почти полное прекращение связей» (Дергачев 1997: 16), если судить по металлическим изделиям. Как следует из карт В. А. Дергачева, ни северопричерноморские типы не проникают на Нижний Дунай, ни, наоборот, нижнедунайские — в Северное Причерноморье (Дергачев 1997; Дергачев, Бочкарев 2002; Dergačev 2002).

Тем не менее, обращаясь к территориальному распределению некоторых северопричерноморских кельтов периода На А-На В1, мы наблюдаем очень любопытные закономерности. Так, В. А. Дергачев по поводу типа Кардашинка пишет, что его ареал соотносится в целом с ареалом белозерской культуры. При этом литейные формы концентрируются в Нижнем Поднепровье, где эти изделия, очевидно, изготавливали. А готовые изделия — в Киевском Поднепровье и в западной части белозерской культуры (Дергачев 1997: 13).

На самом деле, как следует из карт В. А. Дергачева (Дергачев 1997: 83, карта 5; Dergačev 2002: Taf. 101), кельты типа Кардашинка образуют три четких пространственных кластера. Первый — это Киевское Поднепровье, второй — Нижнее Поднепровье. И, наконец, это очень компактный кластер на Нижнем Днестре («вариант В» типа Кардашинка, по В. А. Дергачеву). Именно этот третий кластер («на правом берегу Днестра» — Dergačev 2002: 118) представляет для нас наибольший интерес. Он расположен на пересечении ареалов памятников белозерской культуры и памятников одной из ранних групп КРШК — группы Холеркань-Ханска (см: Leviťki 1994a).

Более того, сравнивая эту картину с территориальным распределением памятников белозерской культуры в Карпато-Днестровском регионе (т.н. «варианта Тудорова»), мы видим, что подавляющее большинство памятников варианта Тудорова белозерской культуры концентрируются в районах, прилегающих к Нижнему Дунаю, между Нижним Дунаем и рекой Сарата (Vančugov 1996: 289, Abb. 2). Другая группа памятников варианта Тудорова располагается ближе к Днестровскому лиману. И лишь шесть поселений и могильник варианта Тудорова совпадают с Нижнеднестровским кластером кельтов типа Кардашинка.

Но из этих шести, по крайней мере, такие, как Калфа, Кошница, Погребя 3 и Погребя 5 характеризуются наличием и керамики Холеркань-Ханска (Leviťki 1994a: 220—221). И в более поздней работе О. Г. Левицкий относит эти памятники к числу памятников Холеркань-Ханска (Leviťki 2000: 180).

Здесь мы должны иметь в виду, что памятники Холеркань-Ханска ранее относились к числу памятников белозерской культуры (подробнее см. критику этой идеи: Levički 1994a: 220). И аналогичная точка зрения существовала (или все еще существует) по поводу группы Балта (Vančigov 1996). Поэтому напрашивается вывод, что нижнеднестровский кластер кельтов типа Кардашинка совпадает именно с ареалом группы Холеркань-Ханска. И, вдобавок к кельтам Кардашинка, другой северопричерноморский тип кельтов — Завадовка, также представлен в ареале Холеркань-Ханска (Дергачев 1997: 14; Dergačev 2002: Taf. 101).

Помимо того, литейная форма типа Кардашинка («вариант А», по В. А. Дергачеву) была обнаружена на левом берегу Днестра (Красный Маяк), можно сказать — по направлению к группе Балта. И здесь важно отметить, что Красный Маяк — мастерская, «которая определенно относится к...Северо-Молдавскому очагу» металлообработки, который располагался на восточной периферии культуры Ноуа, и помимо ноуаских изделий изготавливал и вещи, относящиеся к культуре Сабатиновка (Дергачев 1997: 47—48). Причем этот центр металлообработки действовал «в течение XIII—XII вв., и возможно, в самом начале XI в. до н.э.» (Дергачев 1997: 48). То есть — На А1 и, возможно, начало На А2 включительно.

Стоит напомнить, что, согласно В. П. Ванчугову, «Раннебелозерская культура существовала в течение XII — первой половины XI вв. до Р.Х.»; «Раннебелозерская культура должна синхронизироваться с поздней Ноуа и Кослоджень» (Vančigov 1996: 302). И здесь В. П. Ванчугов подразумевал и группу Балта; более того, он даже полагал, что группа Балта возникла раньше, чем вариант Тудорово (Ванчугов 1993: 38). В последнее время предлагается даже, что первая фаза Белозерки датируется концом Bг D — первой половиной На А1 (Агульников 2005: 89).

Впрочем, помимо того, В. А. Дергачев полагает что «кельты с лобным ушком типа Красный Маяк... появляются в рассматриваемой зоне, очевидно, в период Bг D, но преобладающе характерны для периода На А1-На В1, и территориально, за редкими исключениями, лимитированы ареалом белозерской культуры» (Дергачев 1997: 14). Но, что интересно, мы не видим поселений культуры Белозерка вокруг мастерской Красный Маяк (Vančigov 1996: 289, Abb. 2). И Красный Маяк расположен ближе к ареалу группы Балта. При этом в ареале Балта имеются на-

ходки кельтов и серпов северопричерноморских и восточнокарпатско-трансильванских типов (в том числе и литейных форм), которые использовались и в На А1. Так, два серпа типа Хелештень, варианта Чут (по типологии В. А. Дергачева) были обнаружены в кладе Пужайково, район Балта (Дергачев, Бочкарев 2002: 250). Вариант Чут использовался в течение На А и, возможно, отчасти На В1 (Дергачев, Бочкарев 2002: 256).

Далее, кельты типа Мындрешть производились в мастерской Красный Маяк (Dergačev 2002: 121); этот тип представлен в кладе Курячьи Лозы (клад периода Bг D, согласно В. А. Дергачеву), который также обнаружен в непосредственной близости к ареалу группы Балта (Dergačev 2002: Taf. 100). Впрочем, есть еще ряд северопричерноморских и восточнокарпатско-трансильванских типов металлических изделий (Dergačev 2002: Taf. 106; 109—112; 114; 118), которые стоило бы, по крайней мере, проверить на возможную принадлежность к носителям группы Балта.

Как бы то ни было, мы, похоже, можем сказать, что представители группы Балта и Холеркань-Ханска производили и использовали некоторые северопричерноморские и восточнокарпатско-трансильванские типы серпов и кельтов. Но не использовали никаких нижнедунайских типов кельтов и серпов.

Это наблюдение следует дополнить выводами, сделанными в свое время Е. Н. Черныхом. Он писал, что химический анализ металлических изделий типа Кардашинка показал, что их производители не использовали руду с Нижнего Дуная. Не обнаруживают эти изделия и какого-либо влияния с Нижнего Дуная в стиле и морфологии (Черных 1976: 188). Последнее согласуется и с мнением В. А. Дергачева (Дергачев 1997: 16).

Но при этом «вопреки низкой продуктивности очага Кардашинка и очень слабым связям с западными соседями, мы наблюдаем проникновение кельтов типа Кардашинка на юго-запад, на территорию Северной Болгарии» (Черных 1976: 188). В более поздней работе Е. Н. Черных трактует эти кельты (из Галиче, Малорада, Попгруево) как местные подражания продукции Кардашинского очага (Черных 1978: 203). Причем в другом месте этой работы он пишет, что «ко времени, синхронному На А2 и На В... мы можем отнести лишь комплекс из двух неправильно отлитых кельтов, найденных в Попгруево (Коджа Олар); один из них является почти полной аналогией кельтам кардашинского очага в Северном Причерноморье» (Черных 1978: 260).

К этому следует добавить и находку кельта типа Кардашинка в западной Трансильвании (Дергачев 1997: 13; Dergachev 2002: Taf. 101). Помимо того, и некоторые северопричерноморские типы долот тоже свидетельствуют о влиянии из Северного Причерноморья на Нижний Дунай в течение На А (Dergachev 2002: 122, Taf. 102).

Ряд других фактов, демонстрирующих влияние культуры Белозерка на Нижний Дунай, были недавно обобщены О.Г. Левицким. Керамика Белозерки, в частности, представлена на поселениях группы Тэмэоань (Левицкий 2002: 194). И здесь же хотелось бы напомнить, что в свое время В.П. Ванчугов предполагал присутствие белозерской керамики и среди находок в Сихляну (Ванчугов 1993: 96). Хотя, указывая он, достаточно скудный материал не позволяет ни подтвердить, ни опровергнуть это предположение. Вероятно, стоит отметить и тот факт, что влияние Белозерки сильнее чувствуется на группах общности резной керамики, нежели на «каннелированном гальштате» (Левицкий 2002: 201).

Учитывая все вышесказанное, я полагаю, что вырисовывающаяся картина не позволяет заподозрить ранние группы КРШК в качестве восприемников традиций металлообработки Вырбицкого очага. И представляется, что данная традиция возникает в Карпато-Поднестровье в результате влияния не вообще из Северо-Западной Болгарии, но из достаточно небольшого, территориально ограниченного региона — района Железных Ворот (Романчук 2009; 2009а). Замечу здесь, что независимо от меня к этому же выводу пришел и Е. Ушурелу. Результаты анализа, как было указано выше, привели его к заключению, что именно на юго-восток Сербии и юго-запад Румынии с началом На А2 смещается эпицентр производства кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами.

Почему именно из региона Железных Ворот, а не все-таки вообще с территории Северо-Западной Болгарии — пусть и не с представителями культур резной и штампованной керамики? Существенное значение здесь имеет, прежде всего, то обстоятельство, что в Карпато-Поднестровье распространяются не просто кельты с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, а именно их одноушковый вариант.

Между тем, как следует из картографирования В.А. Дергачева, кельты с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, распространялись на территории Юго-Восточной Европы в трех основных ареалах. Это центральная и западная часть Северной Болгарии,

Карпато-Поднестровье и, наконец, очень значительная масса находок в Трансильвании — в ареале культуры Гава (Dergachev 2002: 167—169, Taf. 123), Однако в Болгарии, за единичными исключениями, распространялся именно безушковый вариант. В Трансильвании же и Карпато-Поднестровье — одноушковый (Dergachev 2002: 168, Taf. 123). То есть, тот вариант кельтов с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, который распространился в Карпато-Поднестровье, в Северо-Западной Болгарии практически отсутствует.

Заметим здесь также и то, что, как следует из результатов картографирования В. А. Дергачева, основными носителями одноушковых кельтов с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, вне Карпато-Поднестровья были именно представители «каннелированного гальштата» (!) — именно к этой общности относится культура Гава.

Не акцентируя пока этот момент, напомним, что, согласно В. А. Дергачеву, одноушковые кельты с арковидной и трапецевидной фаской, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами — это результат синтеза традиций Вырбицкого очага и трансильванских традиций металлообработки (Дергачев 1997: 58; Dergachev 2002: 168). То есть, данный вывод как будто вполне коррелирует с результатами картографирования. В этой ситуации, однако, следует вспомнить, что культурная общность «каннелированного гальштата», по общепринятому на сегодняшний день мнению, сложилась в результате сложных культурно-трансформационных и миграционных процессов, решающую роль в которых сыграли импульсы из региона Среднего Подунавья — региона, расположенного выше Железных Ворот.

Это весьма важно, если учесть некоторые наблюдения и выводы, сделанные в свое время еще Е.Н. Черныхом. Рассматривая вообще одноушковые кельты с территории Болгарии (а не только орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами), он отмечал как их незначительное количество (23 экземпляра на тот момент), так и то, что они четко концентрируются «на Северо-Западе Болгарии — западнее реки Осым». Поэтому «по всей вероятности, в целом распространение в рассматриваемом районе этих кельтов обязано импорту, или же, скорее всего, подражаниям продукции более северных или же северо-западных очагов металлообработки ПБВ» (Черных 1978: 203). В другом месте своей работы, характеризуя в целом

Вырбицкий очаг, он указывает, что теснее всего он был связан с Дичевским, но вторые по значимости связи Вырбицкого очага «простирались в северо-западном направлении, где локализовались еще не очерченные отчетливо очаги Среднедунайской равнины» (Черных 1978: 253). То есть, можно полагать, что традиция изготовления одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, возникает все же в результате синтеза среднедунайских и вырбицких традиций металлообработки.

Разумеется, этот синтез мог происходить и на территории Трансильвании, в ареале культуры Гава. Однако, как следует из картографирования Е. Ушурелу (который учел целый ряд находок, не попавших в поле зрения его предшественников), именно в районе Железных Ворот, наряду с Трансильванией и Карпато-Поднепровьем, вырисовывается третий, очень значительный кластер одноушковых кельтов с арковидной и трапециевидной фаской, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами. Причем этот кластер очень точно соотносится с ареалом группы Хинова-Мала Врбица и тесно связанной с ней и расположенной непосредственно к западу группой Молдова Ноуэ-Либораждя (Gumă 1995: 135, pl. XVII), которые возникают под влиянием из Среднего Подунавья со стороны т. н. «поздней Кручень-Белегиш» в На А1 (Gumă 1995: 108).

По мнению румынских исследователей (Gumă 1995: 109), группа Хинова-Мала Врбица приняла активное, если не решающее, участие в формировании культуры каннелированного гальштата Кишинев-Корлатень в Карпато-Поднепровье. Поэтому именно группу Хинова-Мала Врбица я и предложил (Романчук 2009; 2009а) в качестве локуса, где происходил сначала синтез вырбицких и среднедунайских традиций, и откуда затем шла трансляция идеи одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднепровье.³

³ Замечу, что мы наблюдаем еще ряд металлических изделий, появление которых в Карпато-Поднепровье, видимо, следует связывать с приходом носителей Хинова-Мала Врбица. По крайней мере, это двуспиральные смычковые фибулы. На мой взгляд, картографирование находок фибул этого типа, произведенное в недавно вышедшей прекрасной работе М. Т. Кашуба (Kašuba 2009: 213, Abb. 18) и показавшее наличие четкого кластера в районе Железных Ворот, подтвердило это еще раз. Вопрос о появлении на Среднем Днестре пластинчатых браслетов с рифлением (даже если считать их височными кольцами) остается для меня пока неясным, поскольку ранее аналогии таковым М. Т. Кашуба видела как раз в кладе Хинова (Кашуба

Здесь, прежде чем перейти к аргументации этой идеи на новом уровне, с использованием недавно обнаруженных фактов, я хотел бы сделать небольшое отступление. В связи с этой проблемой я ранее не включал в рассмотрение такую культурную группу штампованной керамики, как Инсула Банулуй, которая, напомним, занимала очень ограниченный ареал как раз в районе Железных Ворот на Дунае (Gumă 1993: 204). Именно данная группа традиционно предлагалась как один из главных предков культур Сахарна-Солончень и Козия.

Не включал я ее в рассмотрение потому, что она, на мой взгляд, слишком очевидно выпадала из списка возможных претендентов на роль транслятора вырбицких традиций — в опубликованных ранее работах я достаточно подробно обрисовал ряд существенных обстоятельств, которые тому препятствуют. Не пытаясь еще раз пересказать эти работы, считаю все же необходимым повторить некоторые самые важные моменты.

Итак, прежде всего, в более ранних работах я достаточно подробно аргументировал, почему Инсула Банулуй не может быть принята в качестве предка Сахарна-Солончень и Козия (Романчук 2003: 55—68; Романчук 2009б: 298—300). Укажу лишь на самое существенное: Инсула Банулуй является культурой, в орнаментации керамики которой практически на равных борются за преобладание очень богатый и разнообразный штампованный орнамент и не менее богатый и разнообразный каннелированный орнамент. Это резко отличает ее от культур Козия и Сахарна-Солончень, для которых характерно (особенно для последней) преобладание резной орнаментации керамики. Каннелюры в Козии представлены мало, а в Сахарна-Солончень они вообще почти полностью отсутствуют. Эти два момента имеют тем большее значение, что и доля штампованной орнаментации, и доля каннелюров нарастала в культурах резной и штампованной керамики от ранних к поздним — так, что самые поздние культуры характеризуются очень высоким удельным весом и штампа, и каннелюр. То есть, судя

2000: 348). Не пытаюсь пока решать этот вопрос, замечу, что мне кажется странным и другое обстоятельство. А именно то, что как раз в той части Приальпийской зоны, где картографирование показало достаточно четкий (и единичный) кластер «височных колец» (Kašuba 2009: 213, Abb. 18), полностью отсутствуют как односпиральные, так и двуспиральные смычковые фибулы (Kašuba 2009: 209, Abb. 15). Отсутствуют в ареале «височных колец» и другие типы ранних фибул (Kašuba 2009: 215, Abb. 19). Исключение составляет одна находка фибулы типа Posamenterie и три находки, не поддающиеся идентификации.

по ее орнаментальному ансамблю, Инсула Банулуй — одна из самых поздних культур общности КРШК и, очевидно, позднее даже культуры Козия.⁴

Этот вывод вполне согласуется с тем, что, как убедительно показал М. Гумэ, исходя из ряда параметров, датировать группу Инсула Банулуй возможно лишь не ранее времени На В2-На В3 (Gumă 1993: 208).

Если же теперь, имея в виду хронологическую позицию Инсула Банулуй, мы обратимся к проблеме трансляции традиций Вырбицкого очага металлообработки, то очевидно, что она возникает намного позднее, чем эти традиции пресеклись. Поэтому она явно не была, по крайней мере, тем локусом, в котором происходил синтез вырбицких и среднедунайских традиций.

Более того, очевидно, что у нас нет другого претендента (!) на роль локуса, где происходил синтез идеи одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, кроме культур каннелированного гальштата — Хинова-Мала Врбица — Молдова Ноуэ-Либоражда, и отчасти, видимо, Зимнича-Новград. И очевидно, что и трансильванский кластер одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, и связанный с такой культурой каннелированного гальштата, как Гава — тоже никак не мог возникнуть под влиянием Инсула Банулуй. Этого (не говоря о принципиальном не-родстве этих двух культур) не допускает уже датировка трансильванских комплексов, в которых впервые появляются эти кельты — в Северо-Западной Болгарии они датируются начиная с На А1 (Dergačev 2002: 169; Uşurelu 2003: 214); в Трансильвании, Банате, Юго-Восточной Сербии и Воеводине они появляются тоже еще в На А1 (Dergačev 2002: 168; Uşurelu 2003: 214—217).

⁴ Вообще, если в более ранних работах я ограничился тем, что продемонстрировал невозможность принятия Инсула Банулуй в качестве предка Сахарна-Солончень и Козия, то сегодня мне представляется необходимым поставить вопрос о том, что Инсула Банулуй сама возникает как результат какого-то импульса со стороны культуры Козия, наложившегося на локальные традиции района Железных Ворот. Получившееся производное было, очевидно, очень незначительным и территориально, и количественно, и, судя по всему, недолговечным. Во всяком случае, М. Гумэ отмечал, что на эпонимном поселении фактически отсутствует культурный слой, фиксируясь лишь вокруг жилищ, где он составляет не более 0,2 м (и лишь в отдельных случаях — 0,7 м). Это, по его мнению, свидетельствует о непродолжительности существования как эпонимного поселения, так и культуры Инсула Банулуй в целом (Gumă 1993: 205).

Поэтому мне представляется, что у нас нет и других претендентов, кроме носителей каннелированного гальштата, на то, чтобы принести традицию одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье. Впрочем, решающее значение в данном случае имеет ответ на вопрос — а когда, собственно говоря, проникают одношковые кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье? Можем ли мы это установить? Полагаю, что такая возможность у нас есть.

Прежде всего, следует отметить, что два экземпляра одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, происходят из окрестностей села Ружиноаса (долина Сирета). И, согласно Е. Ушурелу, эти находки были «необоснованно атрибутированы кладу Ружиноаса» (Uşurelu 2003: 214). Напомню, что клад Ружиноаса датируется На А1, происходит с поселения культуры Кишинев-Корлатень и, соответственно, относится к культуре Кишинев-Корлатень (Levițki 1994: 145).

Итак, вопрос заключается в том, включать или не включать эти находки в состав клада Ружиноаса?

На мой взгляд, отвечая на этот вопрос, мы должны иметь в виду следующее. Во-первых, эти два одношковых кельта, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, происходят из того же урочища Дялул Фрэтештелор, что и клад Ружиноаса (Vatamanu 1985: 483). Во-вторых, именно на территории Дялул Фрэтештилоар обнаруживается керамика культуры Кишинев-Корлатень (Vatamanu 1985: 483, 485). То есть, как и клад Ружиноаса, эти два одношковых кельта, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, происходят с того же поселения культуры Кишинев-Корлатень (!). И вокруг Ружиноаса отсутствуют поселения культуры Козия (Кашуба 2000: 256, рис. III). В этой ситуации, как мне кажется, уже не столь важно, входили ли эти кельты в состав собственно клада Ружиноаса.

Продолжая, замечу, что вообще пространственное распределение находок одношковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Карпато-Поднестровье хорошо соответствует как раз ареалу культуры Кишинев-Корлатень. И плохо — ареалам культур Сахарна-Солончень и Козия (Dergačev 2002: Taf. 123; Uşurelu 2003: 212, fig. 1).

№2. 2010

Так, лишь одна находка происходит из ареала Сахарна-Солончень (Матеуцы). Далее, всего четыре находки происходят из района максимальной концентрации поселений культуры Козия — междуречья Бырлада и Жижии (район, весьма плотно заселенный и во времена Кишинев-Корлатень). Тогда как регион между Прутом и Реутом, где практически отсутствуют поселения культур Козия или Сахарна-Солончень (но зато много поселений Кишинев-Корлатень), дал семь находок. Это около 30% от их общего числа в Карпато-Поднестровье.

Далее, опять-таки, всего лишь четыре поселения культуры Козия имеются в долине Сирета. (Кашуба 2000: 256, рис. III). А именно из долины Сирета происходят еще семь находок кельтов этого типа (Uşurelu 2003: 212, fig.1). Во времена же Кишинев-Корлатень долина Сирета была достаточно плотно заселена (Leviţki 1994: 177, fig. 1).

Думается, эта картина пространственно-распределения в Карпато-Поднестровье одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, однозначно свидетельствует в пользу Кишинев-Корлатень как носителя этой традиции в данном регионе.

В этом же контексте следует упомянуть и находку одноушкового кельта, орнаментированного вертикальными линиями-нервюрами, с поселения Дриду-Ла Метерезе (бассейн реки Яломица в Мунтении). Мое внимание на нее обратил Е. Ушурелу.

Это поселение каннелированного гальштата, и в одной из землянок этого поселения был обнаружен известный клад Дриду, датируемый Ha B1, в составе которого много вещей западного, среднедунайского происхождения (Gumă 1995: 109).

Румынская исследовательница Е. Ренца, вводящая в научный оборот материалы поселения Дриду-Ла Метерезе, полагает, что это поселение (как и ряд соседних памятников), относится к культуре Кишинев-Корлатень (Renţa 2008: 83, 101). Находка эта чрезвычайно важна, но, вместе с тем, я не берусь судить, насколько правомерно включение этих памятников в состав культуры Кишинев-Корлатень. Скорее все же, мне представляется, что это отдельная культурная группа каннелированного гальштата — пусть и достаточно близкая к Кишинев-Корлатень.

Помимо самих кельтов, представляется, однако, что здесь может помочь привлечение к анализу и серпов типа Вырбица — они тоже проникают в Карпато-Поднестровье (Дергачев, Бочкарев 2002: 272, карта 31), но весьма ред-

ки здесь. Впрочем, они редки и собственно в ареале Вырбицкого очага — причиной тому их сравнительно непродолжительное существование. Серпы типа Вырбица датируются значительно уже одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями — Ha A1 преимущественно (Дергачев, Бочкарев 2002: 274). Правда, в другом месте своей работы В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев указывают, что “The Vyrbica variant was mainly used during Ha A and partly Ha B periods” (Дергачев, Бочкарев 2002: 346).

Однако серпы типа Вырбица появляются в Карпато-Поднестровье в достаточно четком культурном и хронологическом контексте. Два экземпляра происходят из клада Негрешть, и обломок серпа — с поселения культуры Ноуа (Дергачев, Бочкарев 2002: 268, 269). Клад Негрешть тоже атрибутируется культурой Ноуа (Дергачев 1997: 25; Petrescu-Dîmboviţa 1977: 31, 76).

Соответственно, здесь возникает вопрос: должны ли мы предположить, что серпы типа Вырбица и одноушковые кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, проникают в Карпато-Поднестровье в разное время? Полагаю, что ключ к ответу может дать анализ состава клада Негрешть (Petrescu-Dîmboviţa 1977: 76, pl. 84).

Согласно типологии кельтов и серпов В.А. Дергачева, клад Негрешть содержит: два экземпляра кельтов типа Негрешть, три экземпляра кельтов типа Ружиноаса, два серпа типа Вырбица и один серп «типа Германешть, варианта Илишень».

Тип кельтов Негрешть был выделен В.А. Дергачевым (Дергачев 1997: 25; Dergačev 2002: 137—138, Taf. 109). Этот тип распространялся в кладах периода Bг D в Карпато-Поднестровье, а в Трансильвании, за редким исключением, в кладах Ha A. Впрочем, в Карпато-Поднестровье экземпляр кельта типа Негрешть был обнаружен и в кладе Жижия (Dergačev 2002: 138; Şadurschi 1989: 177, fig.4). Этот клад относят к Ha B1 (Dergačev 2002: 169; Uşurelu 2003: 214). Правда, В.А. Дергачев считает эту находку исключением из правила и более поздним деривативом от типа Негрешть — с аналогиями в кладах Ha A из Олтении, Трансильвании и Мунтении (Дергачев 1997: 25). Е. Ушурелу тоже указывает на аналогии этому кельту в кладе Пленица в Олтении (Ha A2), а также Козла и Петрошница в Банате (Ha A1-Ha A2) (Uşurelu 2003: 214). Как бы то ни было, представленность кельтов типа Негрешть в кладах Ha A1 в Трансильвании вне сомнений.

Серпы варианта Илишень являются самым поздним из вариантов типа Германешть и доминируют в кладях периода На А1 в Карпато-Поднестровье (Дергачев, Бочкарев 2002: 226, 234—236).

Кельты типа Ружиноаса характерны, главным образом, для кладов периода Вг D в Карпато-Поднестровье, но имеется одна находка и в кладе времени На А1 (клад Илишень). В Трансильвании же этот тип существует опять-таки дольше — в течение На А и даже На В частично (30 кладов и более чем 90 экземпляров этого типа) (Dergachev 2002: 145).

И, наконец, два экземпляра серпов типа Вырбица — типа, как было указано выше, датирующегося На А1. В своей монографии В.А. Дергачев и В.С. Бочкарев подчеркивают, что, по сравнению с более ранними серпами типа Дичево, «малые серпы — вариант Вырбица, происходят только из кладов На А1» (Дергачев, Бочкарев 2002: 262).

Таким образом, все это склоняет к тому, чтобы и весь клад Негрешть датировать временем На А1. И что серпы и кельты, восходящие в конечном итоге к традициям Вырбицкого очага металлопроизводства, распространяются в Карпато-Поднестровье одновременно — в первой половине На А1, когда культуру Ноуа сменяет Кишинев-Корлатень (см: Дергачев, Бочкарев 2002: 236).

В этом контексте важно указать, что серпы типа Вырбица представлены и в Центральной Трансильвании (и именно в комплексах времени На А1), а также и на территории Сербии (Добринци) и Венгрии (Polotabazsok) (Дергачев, Бочкарев 2002: 274). То есть, серпы типа Вырбица демонстрируют тот же процесс синтеза вырбицких и среднедунайских традиций, что и одноушковые кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами. В свое время Е. Н. Черных писал, что «местное производство малых серпов без кнопки возникло в Северной Болгарии под влиянием более северных очагов»; основные типологические аналогии им происходят из Среднего Подунавья, «Тиса, Сава, Драва, отчасти Трансильвания и далее на северо-запад» (Черных 1978: 224). При этом, отмечал он, в отличие от больших серпов (т.е. типа Дичево), малые серпы (т.е. типа Вырбица) тяготеют к западу Северной Болгарии — бассейну рек Вит и Осым и изготавливались из бронзы химической группы X, по терминологии Е. Н. Черных (большие серпы — из бронзы группы XI) — что тоже сближает их со среднедунайскими очагами металлообработки.

Таким образом, все вышеприведенное, на мой взгляд, достаточно убедительно свидетельствует в пользу того, что кельты и серпы, восходящие, в конечном итоге, к традициям Вырбицкого очага металлообработки, были принесены в Карпато-Днестровский регион из района Железных Ворот именно представителями «каннелированного гальштата» — предками культуры Кишинев-Корлатень.⁵ Представители же культур резной и штампованной керамики не имели к этому никакого отношения. И никак, даже на уровне самых ранних групп, не восприняли металлургических традиций Вырбицкого очага. Зато эти самые ранние группы культур резной керамики (в лице Балта и Холеркань-Ханска) демонстрируют очевидную преемственность с традициями северопричерноморских очагов металлообработки эпохи поздней бронзы. Это вполне согласуется с предложенной мной ранее (Романчук 2003) гипотезой о локальном, северопричерноморском происхождении культурной общности КРШК Карпато-Поднестровья.

Благодарности

Прежде всего, я крайне признателен И.В. Бруяко, который очень тепло отнесся к моим первым наработкам по кельтам и серпам — для меня это было чрезвычайно важно. Не менее признателен я и Е. Ушурелу, не только высказавшему очень ценные и конструктивные замечания по поводу этой работы, но также предоставившему мне и возможность ознакомиться с его собственными, еще не опубликованными, наработками по этой проблеме. Кроме того, хочу поблагодарить его за помощь в ознакомлении с рядом редких и трудно-

⁵ Существует еще сложный вопрос о том, как именно продвигались носители культуры Кишинев-Корлатень в Карпато-Поднестровье. Ряд исследователей, в том числе и Е. Ушурелу, склонны считать, что их движение шло по долине Дуная. Не берясь здесь решать эту проблему, отмечу только, что и в Мунтении, и в Добрудже кельты, орнаментированные вертикальными линиями-нервюрами, появляются позже — лишь в На В1 (Uşurelu 2003: 214—217). Причем они весьма редки и относятся к варианту одноушковых (Dergachev 2002: Taf. 123). А серпы типа Вырбица не обнаружены в Мунтении и Добрудже вообще (Дергачев, Бочкарев 2002: 272, табл. 31). Поэтому, если предки Кишинев-Корлатень и двигались по долине Дуная, то это, видимо, было быстрое, даже молниеносное продвижение. А появление одноушковых кельтов, орнаментированных вертикальными линиями-нервюрами, в Мунтении и Добрудже — это либо результат каких-то более поздних импульсов из района Железных Ворот, либо же — обратное влияние, со стороны, возможно, уже Кишинев-Корлатень.

№2. 2010

доступных работ, что существенно помогло мне в работе над статьей. Также за весьма ценные советы и замечания по поводу данной статьи я хотел бы поблагодарить Н. Борофка,

В.А. Дергачева, В.С. Клочко, О.Г. Левицкого и особенно Т. Сорочану, который просто открыл меня своей доброжелательностью, открытостью и полным отсутствием снобизма.

Литература

- Агульников С.М. 2005. Хронология и периодизация белозерских памятников Пруто-Днестровского междуречья. *Revista arheologică* (S.N.) I (1), 77—91.
- Ванчугов В.П. 1983. Балтская группа памятников эпохи поздней бронзы. В: Дзис-Райко Г.А. (отв. ред.). *Материалы по археологии Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 88—101.
- Ванчугов В.П. 1993. Керамика с прочерченным орнаментом из памятников поздней бронзы Северо-Западного Причерноморья. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Древности причерноморских степей*. Киев: Наукова думка, 28—39.
- Гоцев А., Шалганова Т. 2004. Керамический комплекс «Камен Рид», Северо-Восточная Болгария и ранний железный век восточнобалканского культурного круга. В: Niculiță I.T. (red. resp.). *Tracii și lutea circumponțică*. Chișinău: Reclama, 60—61.
- Дергачев В.А. 1997. *Металлические изделия: к проблеме генезиса культур раннего гальштата Карпато-Данубио-Норд-Понтийского региона*. Кишинев: Академия наук Молдовы.
- Дергачев В.А., Бочкарев В.С. 2002. *Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы*. Кишинев: Высшая антропологическая школа.
- Кашуба М.Т. 1999. «Другая» чернолесская культура Среднего Днестра по Л.И. Крушельницкой. *Stratum plus* (3), 369—389.
- Кашуба М.Т. 2000. Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом. *Stratum plus* (3), 241—488.
- Левицкий О.Г. 2002. Раннегальштатские общности и культура Белозерка в Северном Причерноморье — о диалоге миров. В: Кетрару Н.А. (отв. ред.). *Северное Причерноморье: от неолита к античности*. Тирасполь: Типар, 180—205.
- Романчук А.А. 2003. Культура Сахарна-Солончень и возникновение орнаментированного гальштата. *Stratum plus* (3), 8—117.
- Романчук А.А. 2009. Культурно-хронологическое и генетическое соотношение ранних групп КРШК. В: Степанов В.П. (отв. ред.). *Сохранение культурного наследия в странах Европы: материалы конференции*. Кишинев: Бизнес-Элита, 53—56.
- Романчук А.А. 2009а. Металлические изделия (кельты и серпы) и генезис исторической общности КРШК эпохи раннего гальштата Карпато-Днестровского региона. *МАСП* 9, 54—67.
- Романчук А.А. 2009б. Басарабский импульс и финал культуры Сахарна-Солончень. *Stratum plus* (3), 297—307.
- Стоянов Т., Ников К. 2003. Спасительни сондажни проучвания на обекти от ранножелязната епоха в землището на с. Рогозиново, Харманлийско. *Годишник на Софийския Университет “Св. Климент Охридски”*. Исторически факултет. Специалност археология 2, 7—92.
- Черниенко Ю.А. 1993. Строительное дело Белозерской культуры: традиции и инновации. В: Ванчугов В.П. (отв. ред.). *Древности причерноморских степей*. Киев: Наукова думка, 40—45.
- Черных Е.Н. 1976. *Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР*. Москва: Наука.
- Черных Е.Н. 1978. *Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии*. София: Издательство на БАН.
- Черняков И.Т. 1985. *Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тысячелетия до н.э.* Киев: Наукова думка.
- Alexandrescu A.D. 1973. La nécropole du bronze récent de Zimnicea (dep. de Teleorman), *Dacia* (N.S.) 17, 77—98.
- Alexandrescu A.D. 1978. Sépulture du premier Age du Fer a Zimnicea (dep. de Teleorman), *Dacia* (N.S.) 22, 115—124.
- Boroffka N. 2009. Buchbesprechungen: V. Dergačev, *Die äneolithischen und bronzzeitlichen Metallfunde aus Moldavien*. PBF XX, 9. *Eurasia Antiqua* 14, 341—346.
- Czyborra I. 2005. Die ältere Eisenzeit türkisch Thrakiens und ihr Verhältnis zur südosteuropäischen Urnenfelder- und Hallstattzeit: http://en.scientificcommons.org/ina_czyborra
- Dergačev V.A. 2002. *Die äneolithischen und bronzzeitlichen Metallfunde aus Moldavien*. PBF XX (9).
- Dobrinescu I.C. 2005. Noi puncte de vedere privind cronologia bronzului târziu și a începutului epocii fierului în Dobrogea. *Studii de Preistorie* 2, 203—206: <http://www.arheologie.ro/doc/sp2/Dobrinescu.pdf>
- Dobrinescu I.C. 2008. *Bronzul târziu și începutul epocii fierului în sectorul inferior al Dunării de Jos*. Ph.D. diss. Thesis. Constanța: <http://www.univ-ovidius.ro/stiri-si-noutati/downloads/rezumat-dobrinescu.pdf>
- Gumă M. 1993. *Civilizația primei epoci a fierului în sud-vestul României*. București: S.C. Melior Trading S.R.L.
- Gumă M. 1995. The end of the Bronze Age and the beginning of the Early Iron Age in South-Western Romania, Western Serbia and North-Western Bulgaria. A short review. *Thraco-Dacica* 16, 99—137.
- Iconomu C. 1996. Cercetările arheologice din cetatea Poceaca-Iași. *Arheologia Moldovei* 19, 21—56.
- Irimia M. 2001. Descoperiri din bronzul târziu pe teritoriul Dobrogei și unele probleme privind cultura Cosloveni. *Thraco-Dacica* 22 (1—2), 183—196.
- Kašuba M. 2009. Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa. *Eurasia Antiqua* 14, 193—232.
- Krauß R. 2005. Der Depotfund von Ovča Mogila, Kreis Svištov (Bulgarien): Zur Datierung der Bronzehorte von der unteren Donau über mykenische Schwerter. In: Horejs B., Jung R., Kaiser E., Teržan B. (Hrsg.). *Interpretationsraum Bronzezeit*. Bonn: Habelt, 199—210.
- Krauss R. 2006. Indizien für die Mittelbronzezeit in Nordbulgarien. *Arheologia Bulgarica* 10/3: 3—26: <http://www.ufg.uni-tuebingen.de/fileadmin/Juengere/Mitarbeiter/Krauss/Indizien.pdf>
- Laszlo A. 1972. O așezare halstattiană la Cozia (jud. Iași). *Arheologia Moldovei* 7, 207—222.
- Laszlo A. 1986. Grupul Tămăoani. Asupra orizontului hallstattian timpuriu cu ceramica incizată din sudul

- Moldovei. *Memoria Antiquitatis* 12—14, 65—91.
- Leahu V. 1978. Cu privire la raporturile culturii Tei cu unele culture ale epocii bronzului din Balcani. *SCIVA* 29 (1), 43—72.
- Levițki O.G. 1994. *Cultura Hallstattului canelat la răsărit de Carpați*. București: Institutul de Thracologie.
- Levițki O.G. 1994a. Grupul Holercani-Hansca. Aspectul pruto-nistean al complexului Hallstattian timpuriu cu ceramica incizată. In: Roman P. and Toma I. (eds.). *Relations Thraco-Illiro-Helléniques*. București: Institutul de Thracologie, 219—256.
- Levițki O.G. 2000. Tradiții hallstatiene în producția ceramicii culturii Belozerka. *Thraco-Dacica*, 21, 177—209.
- Lichardus u.a. 1999: Lichardus J., Iliev I., Christov Ch. 1999. Die Spätbronzezeitlichen „Steinstößel Zepfer“ in Südostbulgarien und die Frage der nordpontischen Verbindungen zur Ägäis. *Eurasia Antiqua* 5, 95—110.
- Lichardus u. a. 2003: Lichardus J., Echt R., Iliev I., Christov Ch. 2003. Die Spätbronzezeit an der Unteren Tundža und die ostägäischen Verbindungen in Südostbulgarien. Mit Beiträgen W.-R. Thiele und J.C. Becker. *Eurasia Antiqua* 8, 133—184.
- Morintz S. 1978. *Contribuții arheologice la istoria tracilor timpurii*. București: Editura Academiei RSR.
- Morintz S., Angelescu N. 1970. O nouă cultură a epocii bronzului în România. Cultura de tip Coslogeni. *SCIV* 21 (3), 373—416.
- Palincaș N. 1997. Ceramica Zimnicea-Plovdiv de la Căscioarele. *SCIVA* 48 (3), 237—254.
- Petrescu-Dîmbovița M. 1977. *Depozitele de bronzuri din România*. București: Editura Academiei RSR.
- Rența E. 2008. *Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomița*. Târgoviște: Cetatea de Scaun.
- Romanchuk A.A. 2009. Axes, sickles and Incised Pottery entities (Ha A— Ha B1): [http://moldo.org/2 nd.php?idm=1&ida=56](http://moldo.org/2_nd.php?idm=1&ida=56).
- Șadurschi P. 1989. Piese metalice din epoca bronzului descoperite pe teritoriul județului Botoșani. *Hierasus* 7—8, 157—182.
- Ușurelu E. 2003. Considerații cu privire la culturile de tip Cozia-Saharna. In: Sava E. (ed.). *Interferențe cultural-cronologice în spațiul nord-pontic*. Chișinău: Institutul de arheologie și etnografie, 211—219.
- Ușurelu E. 2006. *Relațiile culturale ale comunităților bronzul târziu din spațiul Carpato-Nistean*. Autoref. tezei de doctor în științe istorice. Chișinău.: http://www.cnaa.md/files/theses/2006/5241/eugen_usurelu_abstract.pdf
- Vančugov V.P. 1996. Das Ende der Bronzezeit im nordlichen Schwarzmeergebiet. Die Belozerka-Kultur. *Eurasia Antiqua* 2, 287—310.
- Vatamanu I. 1985. Noi date referitoare la depozitul de la Ruginoasa, județul Neamț. *Memoria Antiquitatis* IX—XI, 483—490.
- Vernescu M. 2004. Materiale de tip Coslogeni descoperite în așezările hallstatiene timpurii din Cîmpia Brăilei. *Istros* 11, 337—345.

Статья поступила 22 декабря 2009 г.

Aleksey Romanchuk (Kishinev, Moldova). Master of Anthropology. High Anthropological School.

Aleksey Romanchuk (Chișinău, Moldova). Magistru în antropologie. Universitatea «Școala Antropologică Superioară».

Романчук Алексей Андреевич (Кишинев, Молдова). Магистр антропологии. Университет «Высшая антропологическая школа».

E-mail: dierevo@mail.ru , dierevo5@gmail.com